

НА ПОТЕШНОЙ, 3

(Окончание.)

Начало в № 28 "МХ".

Мир психбольницы — это особый, страшный в своей беспощадной обнаженности человеческих отношений мир людей, чужих друг другу, а часто и чужих самим себе. Вот стоят у зарешеченных окон измученные жизнью, израненные ею люди, курят, передавая друг другу "чинарик", и смотрят в туманный город, в засыпающую многомиллионную Москву. Что у них на душе? Что в мыслях?

Что было в мыслях у двоих из них, мы узнали в один из темных вечеров марта. Днем привезли из тюрьмы после побега одного маленького татарина. Все начальство весь день только и твердило санитарам: "Смотрите за ним в оба, глаз с него не спускайте — убежит!" Паренька положили в надзорку, но так как он вел себя тихо, привязывать не стали. В курилке он быстро познакомился с самым странным и беспокойным в нашем отделении Сережей, который бегал весь день по коридору в развевающемся

длинном синем халате и кричал, поднимая вверх кулаки: "Рим будет разрушен слонами!" О чем они шептались, никто не знал.

Но вдруг, в 9 вечера, когда все отделение уже готовилось ко сну и половина ламп была погашена, в отдаленной палате раздался шум. Санитары бросились туда и увидели только пожарный 25-метровый шланг, спускающийся из окна нашего 3-го этажа до самой земли. И татарин, и Сережа сбежали. Должен был бежать еще один солдат, но не успел. Ему они оставили свои халаты, тапочки, выкраденные свои истории болезни и большой пакет с наркотиками. Все это он должен был бросить в окно. Я вскочил на подоконник и посмотрел через отогнутые прутья железной решетки вниз. Там уже никого не было. В крошечной тьме только Яуза поблескивала масляным отражением в черной воде редких огней с другого берега. Дул холодный ветер, раскачивая деревья. Ночью, босиком, по снегу, куда они пойдут — сумасшедшие?! Тут же была оповещена милиция города, метро и пригородных электричек. В эту ночь никто в отделении не спал: все осуждали дерзкий побег. Вспомнили, что Сережа бежал из нашего отделения уже третий раз, а знаменитый татарин бегал отовсюду — и из тюрьмы, и из колонии, и из судебно-психиатрического института им. Сербского, охраняемого особенно строго. Много было волнений и разговоров в ту ночь. Наутро пришло сообщение, что ребят поймали той же ночью и посадили в соседнюю с нашей психбольницу "Матросская тишина".

"Порядок" был восстановлен.

Но как сладостен хоть миг свободы для тех, кто сидит тут месяцами,

без глотка свежего воздуха, часто без посещения родственников или знакомых, в полной изоляции и в неведении того, что творится у него дома. Люди не знают здесь ничего и о политических событиях, которые сотрясают все государство, весь мир. Радио в отделении оборвано; телевизор сломали и разбили в первый же день, как только его купили...

"Я хотела сделать отделение образцовым, — сетовала Маргарита Ивановна, — повесила красивые шторы, цветы на окнах стояли, санитары были в особой форме, которую придумали художники, друзья Жени Шукаева. Завезли богатую мебель, ковровые дорожки; развесили картины, репродукции; туалет и курилку облицевали красивым желтым кафелем; повесили большое зеркало и что же?.. Вы видите сами, во что все обратилось, какой погром везде, это просто ужас! Выломали и побили не только кафель, но и унитазы все разбили".

Да, я видел и разломанные тумбочки, и погнутые железные кроватки,

Я раз увидел, как тяжелобольного они заставляли бегать на месте до изнеможения, и, если бы не мое появление, что было бы с ним неизвестно. А они сидели как эсэсовцы, положив ноги на стол, и, весело хохоча, подбадривали его: "Бежать, бежать, бежать!"

В другой раз другого слабого больного эти же солдаты, зажав ночью в угол туалета, заставляли петь песни. "Громче, громче!" — озверело тыча кулаками в живот, кричали они ему, человеку тихому, который всегда всех сторонился и не говорил ни с кем никогда ни слова.

Как-то ночью я увидел группу солдат, с хохотом выбежавших из комнаты слабых больных. Я заглянул туда и увидел перевернутые кровати, разбросанные матрасы, валяющиеся на иоле простыни, подушки и больных "дурачков", растерянных, спросонья ползающих по полу в темноте. Это было ужасное зрелище.

А днем эти же солдаты были первыми помощниками на кухне: имели ключи от всех дверей и, вообще, были свои люди у начальства. "То, что они тут вытворяют, — это еще цветочки по сравнению с тем, что они делают в армии", — сказал мне скромный юноша Ренат, сам пострадавший от них. Чтобы не подчиняться насилию, он хотел покончить с собой: разрезал себе вены. И теперь рука его наполовину парализована.

"Что вы хотите от них: у них ведь одна извилина, да я та от фуражки", — горько пошутил он.

Я же заметил, что почти все эти дикие ребята были из разных русских деревень. "Неужели наша Россия в глубине своей так груба?"

подумал я. — Если это так, то это смерть нации".

Конечно, все эти безобразия, творимые тайно, когда-либо должны были стать заметными, и такая

ночь однажды наступила.

Дежурила очень красивая медсестра, ласковая к солдатам. С вечера у них шла пьянка-гулянка. Больных загнали в палаты, а сами, раскрыв все двери в кабинетах, принесли откуда-то магнитофон и дурачились, как хотели. Один санитар все же не принимал в этом участия и даже

стал урезонивать веселящуюся компанию. Но разве им можно было что-либо сказать поперек? Его тут же схватили, избили, связали и потащили шесть человек одного по темному коридору в надзорную палату, где привязали к кровати, согнав с нее больного с галлюцинациями.

"Что, плачешь?" — кричали пьяные солдаты.

"Нет, не плачу", — отвечал этот странный, с разбитым лицом, санитар...

В эту буйную ночь сбежали еще

двое больных. Это был апофеоз.

Наутро Маргарита Ивановна разогнала всю смену своих работников, виновных в ночной вакханалии, устроила показательный "суд". Когда очередь дошла до солдат и она стала по одному приглашать их в кабинет, то я увидел, как вдруг, распрашивая ребят об их семьях, родных и близких, все молчаливее и молчаливее становилась она. Оказалось, что у одного отец пьет, у другого отца нет совсем, третий — из детства и своих родителей не знал никогда, у четвертого мать-пьяница и сама психически больная...

Я наблюдал за "Марго", сидя в углу ее кабинета и незаметно рисуя. Она становилась все тише и тише, а потом, зажав голову руками, облокотилась на свой стол и долго молчала.

"Ну ладно, идите, ребята", — наконец сказала "Марго", и я подумал, что если бы не присутствовав-

шие в кабинете другие врачи, она разрыдалась бы в голос.

"Вот такое наше будущее подрастает, — горько сказала она, когда мы остались одни. — Бедная наша Родина, что нас ждет?..."

Наступило 5 апреля, последний день моего пребывания в больнице. Завтра консилиум врачей вынесет мне окончательный приговор, и по моим ответам на их вопросы будет решено: совсем я больной или моя болезнь только начинает развиваться...

Прошло три месяца. Я инвалид второй группы, и теперь часто невольно общаюсь с теми, кто медленно, но верно опускается на дно жизни.

А недавно я узнал, что двое больных, с которыми лежал в "Ганнушкина" и которых рисовал в курилке, выписавшись из больницы, совершили у себя дома убийства. Один зарезал своего сына (об этом подробно написала газета "Московский комсомолец"), а другой отправил на тот свет двух ночевавших у него дальних родственников, после чего сам утром пришел в отделение к Маргарите Ивановне.

Душевная болезнь — это страшный, непознанный мир.

Геннадий ДОБРОВ.

Рисунки автора.

От редакции: стилистика, орфография и пунктуация автора соблюдены полностью.

ВНИМАНИЕ!

Художники, записавшиеся в списке желающих получить земельный участок в ближайшем Подмосковье! Ассоциация народного землепользования приглашает вас на общее собрание у здания Моссовета. Сбор в 18 час. 22 июля у памятника Юрию Долгорукому.

Координатор Ассоциации народного землепользования, председатель "ЭкоРенессанса" А. В. ИВЛЯНОВА.